

А. В. Святославский

Поэтико-риторический троп: художественный прием или важнейший способ отражения действительности?

Цель данной работы – привлечь внимание обучающихся и обучающихся по культурологическим и филологическим специальностям к работам классиков этих наук в области осмысления феномена тропа как явления, далеко выходящего за привычную сферу украшения художественной и ораторской речи, в область познания и коммуникации. Дан краткий обзор мнений по проблеме, высказанных Льежской группой неориторика – Р. О. Якобсоном, Ю. М. Лотманом, Н. Д. Арутюновой.

Ключевые слова: троп, приемы риторические, риторика, поэтика, метафора, метонимия, Ю. Лотман, Якобсон, Льежская группа «Мю», Н. Арутюнова.

A. V. Svyatoslavsky

Literary Trope: Is It an Aesthetic and Rhetoric Device or a Principal Tool of Cognition and Communication?

The paper attracts the Humanities and Arts lecturers and students' attention to the mostly wide conception of the literary trope phenomenon as an important tool of cognition and communication basing on the works of le Groupe μ, Roman Jacobson, Yuri Lotman, Nina Arutyunova.

Keywords: rhetoric, poetics, literary trope, metaphor, metonymy, le Groupe μ, Roman Jacobson, Yuri Lotman, Nina Arutyunova.

Весьма интересной проблемой видится в теории эстетики и филологии анализ сущности и культурной функции явления, называемого в учебниках то литературным, то поэтическим, то риторическим тропом, а также стилистическим приемом или фигурой. По поводу корреляции терминов «фигура» и «прием» тоже нет единства мнений. Чаще там, где их различают, выделяют троп как прием, основанный на так называемом *переносе значения* слова, фигуру – как прием, основанный на сочетании слов для создания эстетического эффекта при формировании художественного образа. Как показывает наша практика преподавания в гуманитарном вузе, без специального всестороннего изучения теории тропа у студентов остается сложившееся еще со школьной скамьи впечатление об исключительно украшательной функции тропа как речевого явления. В то же время в мировой науке было приложено немало усилий для того, чтобы показать универсальность и значительно более широкое функциональное значение тропов, в первую очередь приемов метафоры и метонимии, как инструментов познания и коммуникации. Возникают также практические затруднения при утверждении тем студенческих и аспирантских работ в вузе, когда учащемуся, выбравшему проблему тропов для курсовой или дипломной работы, говорят, что, если он будет работать с художественным текстом, это в компетенции кафедры поэтики или теории литературы, а

если с нехудожественными – то кафедры риторики. От себя добавим, что в случае так называемых языковых метафор и метонимий можно заняться этим и на лингвистических кафедрах, а при еще более широком понимании, что наметилось в свое время в трудах Р. О. Якобсона и Дж. Лакоффа, – также на кафедрах теории искусства и эстетики, логики и психологии. Как очень точно заметила Н. Д. Арутюнова, со временем «в метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [1, с. 5].

Феномен тропа не может быть осмыслен вне семиотических категорий – вне анализа взаимоотношений знака как единства означаемого и означающего, что стало предметом размышлений Р. О. Якобсона в известной работе «В поисках сущности языка» [8, с. 111–126], где он подробно останавливается на отраженном в платоновском «Кратиле» споре «фюсей» и «тесей», а также на рассуждениях Ч. Пирса об иконических знаках в их взаимоотношениях с конвенциональными. Говоря о тропях, обычно говорят о «переносе значения», о поисках общностей и ассоциативных связей, уводящих нас в глубины синестезии. «Слово, употребленное в переносном значении, называется тропом» [7, с. 61]. Это определение Томашевского стало классическим. Очень точно определяет метафору Н. Д. Арутюнова – как «транспози-

цию идентифицирующей (дескриптивной и семантически диффузной) лексики, предназначенной для указания на предмет речи, в сферу предикатов, предназначенных для указания на его признаки и свойства», отмечая, что «транспозиция – один из основных ресурсов поэтической речи» [1, с. 19]. При этом «соположение далекого (создание сходства) – один из важнейших принципов построения художественной речи» [1, с. 20].

Большой вклад в изучение проблемы тропов как универсальной проблемы, объединяющей традиционную риторику и поэтику, был сделан, как известно, так называемой Льежской группой исследователей из университета г. Льеж (Бельгия), иначе «Группой Мю» (Жак Дюбуа, Франсис Эделин, Жан-Мари Клинкаенберг, Филипп Мэнге, Франсуа Пир, Адлен Тринон), выпустивших в 1970 г. книгу «Общая риторика» [4]. Труды льежцев составили существенную часть корпуса исследований, объединенных в конце XX в. названием неориторика, или новой риторики. Во введении к книге авторы писали следующее: «Риторика в качестве теории фигур обрела новую жизнь в исследованиях по структурной лингвистике. Роман Якобсон был одним из первых, кто привлек внимание исследователей к практической ценности понятий, введенных еще Аристотелем. Отдавая дань этим двум ученым, внесшим большой вклад в развитие риторики, мы назвали нашу группу “группой μ ” по первой букве греческого слова метафора, обозначающего самую замечательную из метабол» [4, с. 26].

Интересно отношение льежцев к разграничению сфер поэтики и риторики, они пишут следующее: «Учитывая вышеупомянутое утверждение о том, что теория фигур далеко не исчерпывает предмет риторики в том смысле, как ее понимали классики ... – риторика в нашем понимании является дисциплиной, изучающей специфику языка литературы. Под “поэтикой” же мы понимаем науку, вскрывающую суть общих принципов поэзии, имея в виду, что поэзия *stricto sensu* есть самое яркое проявление литературного начала. Поставленная таким образом проблема сводится к тому, чтобы изучить вклад науки риторики в общую сумму объективных знаний о литературе, притом что риторика не может дать исчерпывающее представление об этом предмете» [4, с. 58].

Льежцы достаточно категорично декларируют право риторики как науки заниматься сферой художественной литературы, исходя из того, что любая литература – это «прежде всего особое использование языка. Теория этого особого использования и является в первую очередь предметом общей риторики, обладающей, как представляет-

ся, способностью к различным экстраполяциям» [4, с. 37]. Целью так называемой «общей риторики» Льежская группа провозглашает анализ механизмов преобразований правил и норм (иначе говоря, отклонений от чисто информационной референтивной функции языка), создающих эстетический эффект. «Эти отклонения, нарушающие существующие или вводящие новые правила, меняют нормальный уровень избыточности языка. Отклонение, выстроенное автором, замечается читателем благодаря наличию маркера, но затем редуцируется им благодаря наличию инварианта. Действие этих операций, как используемых “изготовителем”, так и выпадающих на долю “потребителя” сообщения, приводит к особому эстетическому эффекту, который называется этосом и является подлинным объектом художественной коммуникации» [4, с. 85].

Как видим, авторы используют в качестве ключевых понятий своей концепции термин «этос» в значении эмоционально-эстетического переживания адресата коммуникации под воздействием воспринимаемого текста; а также музыковедческий термин «метабола», тоже пришедший из древнегреческого языка, где он обозначал переменную, переход. В категорию метабол и попадают различные тропы.

Большой интерес для поднятой проблемы представляет работа Ю. М. Лотмана «Внутри мыслящих миров», одна из глав которой получила характерное название «Риторика – механизм смыслопорождения». Лотман начинает свои рассуждения с основополагающего положения о гетерогенности обусловленности самого сознания человека в силу различных функциональных особенностей левого и правого полушарий головного мозга (рациональное vs эмоционально-образное). Отсюда ученый выводит важнейшую оппозицию способов отражения мира, в первом случае получая способ дискретный, во втором – континуальный. В первом случае во главе угла – как носитель значения – стоит знак, во втором – текст, в котором смысл «не организуется ни линейной, ни временной последовательностью, а “размазан” в *n*-мерном семантическом пространстве данного текста (полотна картины, сцены, экрана, ритуального действия, общественного поведения или сна)» [2, с. 178], то есть во втором случае текст, а не знак является носителем значения. Далее Лотман обращает внимание на, казалось бы, парадоксальную особенность культуры, когда в принципе неперебиваемые тексты разной природы, тем не менее «пытаются» взаимодействовать друг с другом, и именно эти попытки перевода дают ценные результаты. «В этом случае, – пишет он, – возникает

не точный перевод, а приблизительная и обусловленная определенным общим для обеих систем культурно-психологическим и семиотическим контекстом эквивалентность. Подобный незакономерный и неточный, однако в определенном отношении эквивалентный перевод составляет один из существенных элементов всякого творческого мышления» [2, с. 178]. Здесь, по Лотману, коренится рождение феномена художественного. «Пара взаимно несопоставимых элементов, – продолжает он, – между которыми устанавливается в рамках какого-либо контекста отношение адекватности, образует семантический троп. В этом отношении *тропы являются не внешним украшением, некоторого рода апплике, накладываемым на мысль извне, – они составляют суть творческого мышления*, и сфера их даже шире, чем искусство. Она принадлежит творчеству вообще» [2, с. 178. – Курсив наш. – А. С.]. Далее Лотман рассматривает концепцию Якобсона о связи метафоры с парадигматикой (замещение понятия на парадигматической оси), а метонимии, соответственно, – с синтагматикой (установление связи по смежности) [2, с. 180]. Общий вывод сводится к тому, что «неориторика оперирует в основном тремя понятиями: метафора – семантическое замещение по сходству или подобию какой-либо “семы”, метонимия – замещение по смежности, ассоциации, причинности..., синекдоха, которая одними авторами рассматривается как основная, примарная фигура, а другими в качестве частного случая метонимии – замещение на основе причастности, включенности, парциальности или замещение множественности единичностью» [2, с. 181]. Важнейшим замечанием у Лотмана нам видится мысль о том, что цель метафоры и метонимии состоит не в том, чтобы «с помощью определенной семантической замены высказать то, что может быть высказано и без ее помощи, а в том, чтобы выразить такое содержание, передать такую информацию, которая иным способом передана быть не может» [2, с. 183]. Так называемые «стертые» тропы как нельзя лучше иллюстрируют переход из категории риторических (речеведческих) в категорию языковых феноменов.

«Таким образом, – подытоживает свои рассуждения Лотман, – можно сформулировать два подхода: согласно одному, риторическая структура автоматически вытекает из законов языка и представляет не что иное, как их реализацию на уровне построения целостных текстов. С другой точки зрения, между языковым и риторическим единством текста существует принципиальная разница. Риторическая структура не возникает автоматически из языковой, а представляет реши-

тельное переосмысление последней (в системе языковых связей происходят сдвиги, факультативные структуры повышаются в ранге, приобретая характер основных, и пр.). Риторическая структура вносится в словесный текст извне, являясь дополнительной его упорядоченностью. Таковы, например, разнообразные способы внесения в текст, на различных его уровнях, дополнительных законов симметрии, лежащих в основе пространственной семиотики и не присущих структуре естественных языков. Нам представляется справедливым именно этот второй подход. Можно даже утверждать, что риторическая структура не только объективно представляет собой внесение в текст извне имманентно чуждых ему принципов организации, но и субъективно переживается именно как чуждая по отношению к структурным принципам текста. Так, например, резко отмеченное включение фрагмента нехудожественного текста в художественный (в частности, кадров кинохроники в игровую ленту) может нести риторическую нагрузку именно постольку, поскольку опознается аудиторией как чуждое и незакономерное включение в текст. На фоне хроникальной ленты такую же роль сыграет отмеченное игровое включение. Традиционная ораторская проза, воспринимаемая как область риторики *par excellence*, может быть описана как результат вторжения поэзии в область прозы и перевода поэтической структуры на язык прозаических средств. Одновременно и вторжение языка прозы в поэзию создает риторический эффект. Вместе с тем ораторская речь ощущается аудиторией и как “сдвинутая” устная речь, в которую внесены подчеркнутые элементы “письменности”. В этом отношении в качестве риторических элементов воспринимаются не только синтаксические фигуры классической риторики, но и те конструкции, которые в письменном тексте при отказе от произнесения вслух казались бы нейтральными» [2, с. 190–191].

В главе «Иконическая риторика» той же работы Лотман оперирует понятием *риторического текста*, имея в виду в том числе невербальные тексты культуры. «Риторическое высказывание, – уточняет он, – в принятой нами терминологии, не есть некоторое простое сообщение, на которое наложены сверху “украшения”, при удалении которых основной смысл сохраняется. Иначе говоря, риторическое высказывание не может быть выражено нериторическим образом. Риторическая структура лежит не в сфере выражения, а в сфере содержания. В отличие от нериторического текста, риторическим текстом ... мы будем называть такой, который может быть представлен в виде структурного единства двух (или нескольких)

подтекстов, зашифрованных с помощью разных, взаимно непередаваемых кодов. Эти подтексты могут представлять локальные упорядоченности, и, таким образом, текст в разных своих частях должен будет читаться с помощью различных языков или выступать в качестве разных слов, равномерных на всем протяжении текста. В этом втором случае текст предполагает двойное прочтение, например бытовое и символическое. К риторическим текстам будут относиться все случаи контрапунктного столкновения в пределах единой структуры различных семиотических языков» [2, с. 197].

На роль метафоры в культуре, как известно, обратил внимание еще в XVII в. итальянский философ, литератор, педагог и специалист по риторике Эммануэле Тезауро в «Трактате о метафоре», где метафора охарактеризована им как «самое изобретательное и пронизательное, удивительное и разительное, ободрительное и пользительное, богатое и чреватое из порождений Разума человеческого» [5, с. 201].

Универсальность метафоры стала предметом сборника «Теория метафоры» [6], выпущенного Н. Д. Арутюновой в 1990 г. В сборник вошли работы западных лингвистов и философов Х. Ортега-и-Гассета, П. Рикера, Дж. Серля, Р. Якобсона и других, в том числе Дж. Лакоффа, автора концепции метафоричности механизмов человеческого мышления, изложенной им в книге «Метафоры, которыми мы живем».

Завершая наши рассуждения о тропах как феномене, объединившем риторiku и поэтику в их распространенном понимании, отошлем читателя к учебному пособию по семиотике известного языковеда и культуролога Н. Б. Мечковской [3, с. 52–53], где представлена весьма полезная сводная таблица «Общесемиотическая значимость оппозиции “метафора / метонимия” (по Якобсону и другим авторам)», иллюстрирующая всю историю научного осмысления оппозиции метафора-метонимия как универсальной и пронизывающей такие отрасли научной мысли, как семиотика, лингвистика, поэтика, теория фольклора, психолингвистика, теория изобразительного искусства, теория кино, теория дискурса, литературоведение, культурология. Таблица зримо представляет, как, казалось бы, локальная сфера приемов украшения речи разрастается до размеров универсального инструмента порождения и восприятия сообщений и формирования образов в социальной коммуникации как таковой (включая художественную культуру).

Важно, чтобы указанные труды не остались лишь в сфере академической науки, но стали путеводителями для студентов в интересном мире образования смыслообразования и формирования художественных образов.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–32.
2. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров [Текст] / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб. : Искусство-СПб, 2010. – С. 150–390.
3. Мечковская, Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура [Текст] : курс лекций / Н. Б. Мечковская. – М. : Академия, 2004. – 432 с.
4. Общая риторика : пер. с фр. [Текст] / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др. ; общ. ред. и вступ. ст. А. К. Авеличева. – М. : Прогресс, 1986. – 392 с., ил.
5. Тезауро, Эммануэле. Подзорная труба Аристотеля [Текст] / перев. с итал. Елены Костюкович. – СПб. : Алетейя, 2002. – 384 с.
6. Теория метафоры [Текст] / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М. : Прогресс, 1990. – 512 с.
7. Томашевский, Б. В. Краткий курс поэтики [Текст] / Б. В. Томашевский ; вступит. ст. ; прим. Л. В. Чернец. – 3-е изд. – М. : КДУ, 2006. – 192 с.
8. Якобсон, Р. О. В поисках сущности языка [Текст] / Р. О. Якобсон // Семиотика : Антология / сост. Ю. С. Степанов ; Изд. 2-е. – М. : Академ. проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – С. 111–126.

Bibliografičeskij spisok

1. Arutjunova, N. D. Metafora i diskurs [Tekst] / N. D. Arutjunova // Teorija metafory / vstup. st. i sost. N. D. Arutjunovoj. – M. : Progress, 1990. – S. 5–32.
2. Lotman, Ju. M. Vnutri mysljashhijh mirov [Tekst] / Ju. M. Lotman // Lotman Ju. M. Semiosfera. – SPb. : Iskustvo-SPb, 2010. – S. 150–390.
3. Mechkovskaja, N. B. Semiotika: Jazyk. Priroda. Kul'tura [Tekst] : kurs lekcij / N. B. Mechkovskaja. – M. : Akademija, 2004. – 432 s.
4. Obshhaja ritorika : per. s fr. [Tekst] / Zh. Djubua, F. Pir, A. Trinon i dr. ; obshh. red. i vstup. st. A. K. Avelicheva. – M. : Progress, 1986. – 392 s., il.
5. Tezauro, Jemmanujele. Podzornaja truba Aristotelja [Tekst] / perev. s ital. Eleny Kostjukovich. – SPb. : Aletejjja, 2002. – 384 s.
6. Teorija metafory [Tekst] / vstup. st. i sost. N. D. Arutjunovoj. – M. : Progress, 1990. – 512 s.
7. Tomashevskij, B. V. Kраткий курс pojetiki [Tekst] / B. V. Tomashevskij ; vstupid. st. ; prim. L. V. Chernec. – 3-e izd. – M. : KDU, 2006. – 192 s.
8. Jakobson, R. O. V poiskah sushhnosti jazyka [Tekst] / R. O. Jakobson // Semiotika : Antologija / sost. Ju. S. Stepanov ; Izd. 2-e. – M. : Akadem. proekt; Ekaterinburg : Delovaja kniga, 2001. – S. 111–126.